

УДК 34

Анализ эффективности принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений экономики России

Щербаков Михаил Владимирович

Аспирант,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: scherbakovmikhail4work@gmail.com

Аннотация

В статье проведен анализ эффективности принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений российской экономики. Автор рассматривает исторические кейсы кризисов 2008–2009 и 2014–2015 годов, а также актуальные вызовы, связанные с санкционным давлением и структурными дисбалансами. Теоретической основой исследования выступают классические концепции свободного рынка, адаптированные к специфике российской институциональной среды, где плановая экономика оставила глубокий след. Методология включает сравнительный анализ регуляторных мер, оценку их влияния на малый, средний и крупный бизнес, а также изучение взаимодействия государственных и рыночных механизмов. Результаты исследования демонстрируют двойственную роль минимального вмешательства: с одной стороны, оно стимулирует адаптацию бизнеса через снижение административных барьеров, с другой – провоцирует рост теневых практик и региональной асимметрии. Особое внимание уделено противоречиям между декларируемой либерализацией и реальным усилением контроля в критических секторах, таких как продовольственная безопасность и инфраструктура. Выявлено, что эффективность принципа напрямую зависит от качества институтов: прозрачности правоприменения, доступности цифровых сервисов и уровня доверия между бизнесом и властью. Подчеркивается необходимость баланса между краткосрочной стабилизацией и долгосрочными реформами. Санкции и изоляция усиливают зависимость бизнеса от господдержки, что противоречит идее свободного рынка. Автор делает вывод о неоднозначности применения принципа минимального вмешательства в России, где исторические, социальные и политические факторы требуют гибридного подхода. Ключевыми условиями успеха названы унификация регуляторных норм, борьба с коррупцией и развитие саморегулируемых организаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Щербаков М.В. Анализ эффективности принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений экономики России // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 18-32.

Ключевые слова

Государственное вмешательство, экономические кризисы, предпринимательство, институциональные реформы, регуляторная политика.

Введение

Современная экономическая ситуация в России неоднократно подвергалась испытаниям кризисного характера, что побудило специалистов в сфере госрегулирования и управления бизнесом задуматься о том, насколько эффективно государство вмешивается в деятельность предпринимателей. Принцип минимального вмешательства, который нередко упоминается как основополагающий в рыночной экономике, обычно подразумевает, что бизнес должен развиваться свободно, при этом сохраняется базовый надзор со стороны госорганов. Однако на практике данное правило может работать неоднозначно, особенно если учесть разнообразие отраслей и неодинаковые стартовые условия для предприятий разного масштаба. Казалось бы, чем меньше контроля, тем быстрее развивается инициатива, однако реалии кризисных явлений часто диктуют необходимость усиления надзора. Некоторые эксперты полагают, что без вмешательства государства экономика может перейти в неустойчивое состояние. Другие же придерживаются мнения, что в условиях кризиса, наоборот, необходимо как можно скорее освобождать предпринимателей от избыточной регуляции, позволяя им быстрее перестраивать бизнес-модели. Принцип минимального вмешательства в таких условиях переосмысливается и приобретает нестандартные черты, что и служит поводом для глубинного анализа.

Суть минимального вмешательства, если обратиться к теоретическим источникам, уходит корнями в классическую экономическую теорию, развивавшуюся со времен Адама Смита, когда считалось, что «невидимая рука рынка» способна направлять экономику к оптимальному состоянию без масштабных госпрограмм [Королева, Усманов, Осипов, 2024]. Однако российская реальность, исторически прошедшая путь от плановой системы к рыночной, при всех своих особенностях не может быть прямо сопоставлена с теми экономиками, где принципы свободной конкуренции применяются уже многие десятилетия. В периоды кризисов появляется соблазн увеличить контроль: государство стремится стабилизировать инфляцию, поддержать отдельные социально значимые отрасли, ограничить монополизм. В то же время, предприниматели часто выдвигают тезис, что именно чрезмерная регуляция ограничивает их возможности для маневра и развития, а значит, тормозит восстановление экономики [Харакоз, 2024]. Таким образом, основной вопрос заключается в том, где найти оптимальный баланс между необходимым контролем и сохранением предпринимательского потенциала, особенно в эпоху кризисных явлений.

Материалы и методы исследования

Россия переживала как внутренние, так и внешние экономические шоки, и в каждый из таких периодов принцип минимального вмешательства переосмысливался. Одним из важных примеров можно считать кризис 2008–2009 годов, когда национальная экономика столкнулась с последствиями мирового финансового коллапса. Государство тогда отчасти усилило поддержку крупных предприятий, оказавшихся перед угрозой банкротства, и одновременно предложило ряд мер по стимулированию малого и среднего бизнеса. Последний нуждался в детальной регуляторной поддержке, однако приток административных барьеров для него

существенно возрос, что вызвало волну критики. Отдельные эксперты утверждали, что государственные механизмы защиты, в первую очередь, срабатывали в пользу тех, кто имел связи с бюрократическим аппаратом, а остальные вынужденно сталкивались с повышенной проверочной нагрузкой и сложностями доступа к льготным кредитам [Смотрицкая, Фролова, 2024]. В результате возникла парадоксальная ситуация, когда декларировались идеи свободного рынка, но на практике предпринимательская деятельность сопряжена была с множеством ограничений и рисков попасть под жесткий контроль надзорных органов.

Результаты и обсуждение

Говоря о последующих кризисных явлениях, нельзя не упомянуть экономическую турбулентность 2014–2015 годов, когда ключевым внешним фактором стали санкции, наложенные рядом стран на Россию. Помимо снижения доступа к иностранным инвестициям и технологиям, бизнес столкнулся с резкой девальвацией рубля. В целом, государство объявляло о намерении создавать более комфортные условия для развития отечественного производства, чтобы заместить импорт, однако реальная картина была сложнее. С одной стороны, многие предприниматели получили возможность занять те ниши, из которых ушли иностранные компании, а с другой – столкнулись с непредсказуемостью налоговой и административной политики [Гарбузов., Пчёлкин, 2024]. Принцип минимального вмешательства в этот период преобладал скорее в риторике, чем в фактических действиях, потому что кризис толкал власти к более активному контролю над некоторыми секторами, например, в области продовольственной безопасности или критической инфраструктуры. Как следствие, возникла неоднородная система, где в одних отраслях бизнес был отчасти предоставлен сам себе, а в других – оказался под массой специфических регулятивных норм.

Теоретические модели показывают, что во время кризиса минимальное вмешательство государства способно сыграть двоякую роль. Первая заключается в том, что, давая предпринимателям свободу действий, можно стимулировать инновационную активность и конкурентную борьбу, поскольку активные игроки рынка будут искать способы адаптации. Вторая роль тесно связана с рисками, возникающими при слишком «вольной» обстановке: высока вероятность роста теневого сектора и мошеннических схем [Бабина, Бондаренко, Мармоза, Томайлы, 2024]. Экономика в упадке и нестабильность финансовых рынков провоцируют некоторые компании сокращать социальные обязательства, уходить от официального оформления работников, что негативно влияет на уровень занятости и госбюджет. Поэтому, если государство ослабляет контроль, то может стимулировать деловую активность в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной рискует столкнуться с зонами хаотичного развития без четких правил. Кризис, таким образом, – это момент, когда каждый шаг по снижению или повышению вмешательства может обернуться далеко идущими последствиями для структуры экономики.

Вместе с тем немаловажным остается вопрос квалификации предпринимателей и прозрачности деловой среды. Теоретики управления указывают на то, что минимизация вмешательства государства возможна лишь там, где созданы понятные и четкие правила игры, где судебная система работает прозрачно, а контрольно-надзорные функции имеют границы [Мединцева, 2024]. Если же отсутствует институциональная основа, предприниматели рискуют столкнуться с коррупцией, бюрократией и незащищенностью своих прав в судебных спорах. Это особенно критично для периода кризиса, ведь в такие моменты компании уязвимы, многие

из них находятся на грани выживания. И если вмешательство государства сводится только к наращиванию надзора, но не сопровождается развитием инфраструктуры, которая помогает бизнесу ориентироваться в правовом поле, то говорить о продуктивности подобной модели трудно. Наоборот, может наблюдаться отток капитала и уход самой инициативной части предпринимателей в более предсказуемые юрисдикции.

Сложность российского экономического пространства усугубляется высокой асимметрией регионов: в одних субъектах федерации есть реальная поддержка малого и среднего бизнеса, развита инфраструктура, тогда как в других регионах предприниматели вынуждены испытывать давление местных чиновников и оглядываться на часто меняющиеся правила [Буймов, 2024]. Принцип минимального вмешательства в таких условиях формально может быть прописан в нормативных документах, но на деле восприятие этих норм предпринимателями сильно различается. Малый бизнес, как правило, более уязвим к любым дополнительным барьерам, поэтому при кризисе именно он может настаивать на том, чтобы госорганы «не мешали работать». Крупные структуры, напротив, заинтересованы в сохранении лоббистских возможностей и могут рассчитывать на прямые государственные субсидии и более мягкий режим проверок. Таким образом, эффективность принципа минимального вмешательства приобретает еще и социально-экономический аспект, связанный с размером предприятия и уровнем его взаимодействия с властью.

Несмотря на все разговоры о необходимости освобождения бизнеса от излишних барьеров, российская практика в кризисные периоды нередко демонстрировала тенденцию к усилению регулятивных мер. Это может выражаться в дополнительных требованиях к отчетности, введении новых лицензий, корректировке налоговой политики или ужесточении валютного контроля. Некоторой оправданностью подобных шагов служит стремление государства контролировать финансовые потоки, чтобы не допустить критической утечки капитала или спекулятивного давления на рубль [Стефанова, Бактыгалиев, 2024]. Однако когда подобные меры вводятся в условиях отсутствия стабильных «правил игры» и прозрачных процедур, они зачастую приводят к обратному результату: бизнес, обеспокоенный будущими ограничениями, стремится вывести средства из страны или свернуть активность. В результате частные компании начинают перекладывать риски на потребителей, сокращают производство, что усугубляет кризис.

Есть и другая грань вопроса, касающаяся моральной составляющей. В периоды кризиса общество может ожидать от государства более активных шагов по перераспределению ресурсов, поддержке наиболее пострадавших слоев и регионов [Вовченко, Куринова, Жолудева, 2024]. Предпринимательское сообщество, с одной стороны, заинтересовано в помощи, особенно в доступе к финансовым ресурсам, а с другой – опасается, что вместе с финансовыми вливаниями придут и новые обязательства, нормы и проверки. Поэтому формулировка принципа минимального вмешательства в контексте кризиса требует учета общественных ожиданий, социальных последствий и социальной ответственности бизнеса. Если государство ограничивается нейтральной позицией, предоставляя предпринимателям полную свободу, то возможна критика за недостаточную поддержку социальных слоев. Если же вмешательство становится чрезмерным, то предприниматели обвиняют власти в подавлении инициативы и в разрушении рыночной среды.

Опыт международных исследований также заслуживает внимания. В некоторых странах, например, в США и ряде государств Западной Европы, в периоды сильных рецессий государство направляет значительные средства на поддержку банковского сектора, проявляя

вмешательство в таких объемах, которые в обычных условиях могли бы показаться чрезмерными [Валов, 2024]. При этом деловой климат в этих странах уже имеет длительную традицию правоприменения и стабильные институты. В России же, особенно при возникновении санкционных ограничений, ситуация усложняется отсутствием той самой устойчивой правовой базы и властью административного ресурса. Отказ от масштабных госпрограмм поддержки может выглядеть как следование принципу минимального вмешательства, но граничит с риском системного падения целых отраслей, неспособных конкурировать в новых условиях. Парадоксально, но возникновение острых кризисных явлений нередко приводит к тому, что в одних секторах вмешательство усиливается, а в других полностью отсутствует, формируя крайне неравномерное поле для бизнеса.

В числе ключевых вызовов для российского предпринимательства выступает непрозрачность правоприменительной практики, когда региональные власти и надзорные органы могут действовать произвольно, ссылаясь на кризисную обстановку. Предприниматели при этом сталкиваются с непредсказуемыми задержками и согласованиями, которые тормозят инновационную деятельность. Принцип упрощения административных процедур часто остается на бумаге, а в действительности проверок и бюрократического контроля становится лишь больше [Драненко, 2024]. В кризис моменты гибкой перестройки бизнес-модели требуют оперативных решений, а затягивание регламентов ведет к упущенным возможностям. Государственный аппарат, ориентируясь на кратковременные цели – например, сбор налогов или сохранение внутренней стабильности, – рискует не замечать долгосрочной потери конкурентоспособности национальных компаний.

В то же время важно отметить, что государство обязано обеспечивать юридическую защиту участников рынка, и здесь минимальное вмешательство заключается не только в отказе от жесткого контроля, но и в наращивании возможностей по охране прав собственности, по обеспечению прозрачной судебной системы. Эффективность этого принципа во многом связана с развитием институтов, которые гарантируют свободную конкуренцию и равенство перед законом. Если институты слабые, то даже при декларируемом сокращении надзора ситуации будут возникать, когда бизнес вынужден тратить ресурсы не на развитие, а на взаимодействие с неэффективными бюрократическими процедурами [Неопуло, 2024]. Поэтому критически важно, чтобы государство не просто снизило вмешательство, но и обеспечило качественное правоприменение. Без этой составляющей «минимальное вмешательство» может привести лишь к тому, что сильные игроки станут еще сильнее, используя свои ресурсы и связи, а слабые обанкротятся.

Российская экономика характеризуется значительной долей сырьевого комплекса, который зависит от мировых цен и геополитической конъюнктуры. В период кризиса, вызванного падением цен на нефть или газ, бюджет может столкнуться с дефицитом, что корректирует приоритеты госрасходов и инвестиций. В подобные моменты у авторов экономической политики нередко возникает дилемма: либо повышать налоги и ужесточать контроль, чтобы компенсировать бюджетные потери, либо же попытаться стимулировать бизнес через снижение фискального бремени, уповая на то, что это приведет к росту деловой активности [Хончев, 2024]. Вопрос в том, в какой мере подобный стимул сработает, если общая обстановка сохраняется напряженной. Опыт показывает, что без системного подхода, включающего не только налоговые послабления, но и последовательную работу по сокращению административных барьеров, эффект от минимизации вмешательства может оказаться незначительным или даже отрицательным.

Отдельного внимания заслуживает феномен «точечной» поддержки, когда государство под лозунгами борьбы с кризисом отбирает несколько наиболее значимых отраслей для их прицельного финансирования или смягчения нормативов. В автомобилестроении, сельском хозяйстве, оборонном комплексе или в IT-госсекторе иногда применяются особо льготные условия, в том числе снижение процентных ставок по кредитам, налоговые каникулы или прямое субсидирование [Баранов, Анисимов, 2024]. Сами по себе такие меры могут быть оправданы при наличии четкой стратегии импортозамещения или технологического рывка, но они противоречат принципу минимального вмешательства, так как создают диспропорцию на рынке. Одним предприятиям везет получать господдержку, другим приходится жить в обычных условиях, отдельно утяжеленных кризисом. Отсюда возникает среда с неравными возможностями. К тому же, когда выбор отраслей кажется субъективным, это вызывает сомнения в прозрачности принятия решений. Предприниматели обращают внимание на то, что, возможно, именно коррупционные факторы влияют на распределение государственной помощи, что снова приводит к недоверию и массовому оттоку инвестиций.

Действенность принципа минимального вмешательства в условиях кризиса связана не только с экономическими, но и с политическими моментами. Население, ощущая общее напряжение, может требовать более заметной роли государства, ожидая госгарантий занятости и сохранения уровня жизни [Харакоз, 2024]. Политическое руководство, реагируя на эти запросы, усиливает механизмы контроля и перераспределения, что социально может быть оправдано, но при этом с точки зрения предпринимательского климата может вести к ухудшению условий. Возникновение бюрократического давления, рост коррупционных рисков и снижение уверенности бизнеса в будущем являются типичными последствиями избыточного вмешательства. С другой стороны, если власть не предпримет заметных шагов, кризис может усугубиться, и следствием станет и экономическая, и политическая дестабилизация. Следовательно, вера в «минимальное вмешательство» часто натывается на жесткие социальные требования, особенно в тех случаях, когда кризис имеет резонанс в обществе.

В мировой практике известны примеры, когда в кризис государство фактически сводит свое вмешательство к минимуму, давая экономике «самовосстановиться». Однако подобные эксперименты удавались лишь в экономически и институционально развитых странах с хорошим уровнем социальной поддержки извне рыночных механизмов [Королева, Усманов, Осипов, 2024]. В российском случае, при более уязвимом гражданском обществе и менее развитых структурах поддержки, эксперимент по резкому снижению контроля может привести к коллапсу отдельных регионов, росту безработицы, углублению экономического неравенства. Поэтому ужесточение вмешательства часто оправдывается интересами национальной безопасности и социальной стабильности. При этом это делается без учета последствий для деловой среды, что рождает конфликты между государственными структурами и бизнесом. В идеальной модели нужно сочетать гибкое регулирование для стабильности и сохранения занятости и одновременно стимулировать частную инициативу.

Одним из инструментов, позволяющих сочетать эти подходы, становится развитие цифровых сервисов, облегчающих взаимодействие между предпринимателями и государственными органами. Внедрение электронных площадок для отчетности, автоматизация налогового контроля, использование электронных подписей и госуслуг на онлайн-порталах делают надзор более прозрачным и менее затратным [Мединцева, 2024]. Однако в кризисное время темпы цифровизации могут замедляться из-за сокращения госбюджетов и приоритета иных задач. Между тем именно цифровизация могла бы стать способом минимизировать

вмешательство: вместо многочисленных визитов к чиновникам бизнес мог бы получать разрешения и согласовывать документы в электронной форме, что сокращает коррупционные риски. Такой подход помог бы выстроить систему минимально необходимого контроля при сохранении достаточной прозрачности. Однако в реальности осуществление подобных проектов требует долгосрочного планирования и существенных инвестиций в инфраструктуру.

Говоря о социально-экономических последствиях минимизации вмешательства, стоит учитывать, что бизнес при свободе действий иногда пренебрегает экологическими нормами и социальными обязательствами, особенно в кризис. Это может приводить к ухудшению качества жизни населения, загрязнению окружающей среды, росту количества нелегально занятых работников. Сторонники вмешательства утверждают, что государство должно жестко отслеживать соблюдение стандартов, дабы предотвратить стремление экономических агентов сэкономить на экологии и безопасности. Но при этом, если государство слишком активно вводит новое регулирование без четкого мониторинга, предприятия могут не выдержать возросшей нагрузки. Именно поэтому требуется уравновешенный механизм: неформальные консультации, партнерские площадки, меморандумы о взаимопонимании, которые позволят бизнесу адаптироваться к изменениям [Гарбузов, Пчёлкин, 2024]. Ведь основной целью является не полное устранение госучастия, а установление таких правил, которые сохраняют условия для конкурентной борьбы и инноваций, но при этом не наносят ущерба обществу.

Принцип минимального вмешательства зачастую неверно понимают как тотальный «либерализм», тогда как в более точном определении речь идет о том, что государству следует ограничиваться исключительно функциями, которые рынок сам по себе не может эффективно осуществлять. Это предполагает создание и поддержание правовой базы, инфраструктуры, систему образования, здравоохранения и прочие общественные блага, нужные для базовой стабильности [Смотрицкая, Фролова, 2024]. В условиях кризиса необходимость этих функций только возрастает, так как рыночные механизмы могут временно давать сбой, не обеспечивая аккумуляцию капитала и перераспределение ресурсов. Но вместе с тем государство не должно «влезать» во все предпринимательские процессы, устанавливая чрезмерные нормы. Важно понимать и культурно-исторический контекст: в России после долгих лет плановой экономики сформировалась привычка к опеке «сверху», поэтому радикальный уход государства из большинства процессов может восприниматься обществом негативно или вовсе маловероятен.

Кризисные явления открывают и другую сторону: в обществе растет запрос на социальную справедливость, предприниматели часто критикуются за монопольное ценообразование или невыполнение обязательств. Если в таких условиях государство будет занимать исключительно «наблюдательную» позицию, могут усилиться социальные протесты [Харакоз, 2024]. Поэтому, помимо чисто экономической логики, вмешательство обусловлено политической необходимостью удерживать социальное равновесие. Государство предлагает различные инструменты, вроде временного регулирования цен на социально значимые товары, что противоречит принципу свободного ценообразования, но получает поддержку среди населения. С точки зрения долгосрочного развития бизнеса, подобные меры воспринимаются неоднозначно, ведь при отсутствии гибкого управления и четкого плана выход из кризиса может затянуться.

На волне кризисов в России нередко возникают инициативы по «регуляторной гильотине», упрощению нормативов и снятию устаревших административных барьеров [Гусейнова, Гаджиева, 2024]. Теоретически такие инициативы направлены на то, чтобы уменьшить

вмешательство государства, сократить избыточное дублирование функций ведомств, ускорить согласования. На практике же периодические объявления подобных реформ не всегда завершаются конкретными результатами, будучи либо замороженными на стадии обсуждения, либо существенно ослабленными на этапе принятия. Предприниматели, следя за этим процессом, становятся скептическими и продолжают работать в среде, где нередко главенствует бюрократия и непредсказуемость. При этом в кризис время — ключевой ресурс, и отсутствие реального упрощения процедур вредит тем, кто пытается внедрять инновации.

Не стоит забывать о важности макроэкономической стабильности. Центральный банк, регулируя процентные ставки и курс валюты, фактически вмешивается в экономику, пусть и в финансовом секторе [Бабина, Бондаренко, Мармоза, Томайлы, 2024]. При этом минимальность вмешательства государства в сферы бизнеса при кризисе может быть уравновешена продуманной монетарной политикой. Если государственные институты способны эффективно удерживать инфляцию, то предприниматели получают более предсказуемые условия для планирования. Но в российских условиях центральные решения по ключевой ставке нередко имеют прямое влияние на доступность кредитов, а значит, малому бизнесу бывает сложно финансировать свой рост. Последующее государственное вмешательство в виде программ поддержки приобретает амбивалентный характер: с одной стороны, хочется дать «свободу рынку», а с другой — приходится компенсировать жесткую монетарную политику точечными послаблениями.

Мировой опыт показывает, что в периоды глубоких рецессий многие страны переходят к политике активного вмешательства: расширяют госзаказы, стимулируют покупательский спрос льготными программами, субсидируют ипотеку. Подобное происходит, когда самостоятельный выход из кризиса затруднителен для большинства предприятий. Российский выбор в этом вопросе часто становится заложником бюджетных ограничений, санкционных факторов и общей специфики государственного управления. Поэтому схемы антикризисной поддержки могут обретать форму жесткого контроля за расходами бюджета, наряду с точечным финансированием «выбранных» отраслей. Все это ставит под сомнение универсальность принципа минимального вмешательства, который в идеале призван создавать равные условия для всех предприятий. В результате стратегические решения принимаются с определенной долей волюнтаризма, ориентируясь не столько на рыночную логику, сколько на политическую целесообразность [Буймов, 2024].

Традиционная российская модель управления предполагает, что в периоды нестабильности возрастает роль государственных корпораций и крупных компаний с госучастием. Эти структуры получают привилегированные условия при размещении финансовых ресурсов, что позволяет им переживать кризисы легче, чем малый и средний бизнес [Стефанова, Бактыгалиев, 2024]. Принцип минимального вмешательства при таких условиях нивелируется, потому что рыночная конкуренция становится неравной. Более того, видимое сокращение надзорных функций может происходить только по отношению к этим крупным игрокам, в то время как к средней и малой предпринимательской среде прилагаются иные (часто более жесткие) меры контроля. Это формирует искаженную структуру рынка, где сильнейшие получают еще больше преимуществ, а слабые либо не выживают, либо уходят в тень.

С другой стороны, эффективное госучастие в экономике требует высокого уровня менеджмента и прозрачности принятия решений. Если же внутри госаппарата сохраняются малоподконтрольные механизмы распределения бюджетных средств, тогда любое вмешательство может оборачиваться только ростом коррупции [Вовченко, Куринова, Жолудева, 2024]. Именно поэтому сторонники более строгого понимания принципа

минимального вмешательства утверждают, что в условиях отечественной действительности критически важно сократить не просто формальный объём вмешательства, но и число точек контакта бизнеса с чиновниками. По их мнению, лучше минимизировать регуляцию и дать возможность рынку грамотно саморегулироваться, при условии, что существуют сильные институты судебной защиты и соблюдения закона. В противном случае менеджеры госкомпаний и чиновники, стремящиеся к личному обогащению, будут злоупотреблять административным ресурсом.

Можно также рассмотреть вопрос инновационных кластеров и промышленных парков, которые государство создает как драйверы роста. Идея состоит в том, чтобы свести воедино бизнес, науку, образовательные учреждения и предоставить им преференции: инфраструктура, налоговые льготы, субсидии на исследования. Сторонники таких мер считают, что без господдержки инновации в кризис буксуют [Гарбузов, Пчёлкин, 2024]. Противники указывают, что принцип минимального вмешательства противоречит тому, что государство избирательно стимулирует лишь часть рынка, а это создает неравные условия. Практика же показывает, что эффективность подобных проектов во многом зависит от уровня управления и реального спроса на инновации. Если все сводится к формальному отчету о новых «технопарках», без качественной состыковки с реальным сектором экономики, эффект будет низким, а ресурсы — потраченными впустую. При этом подобные проекты могут служить инструментом локализации передовых производств и снижать зависимость от импортных технологий, что особенно важно в санкционных условиях.

Важна и культурная составляющая: российские предприниматели не всегда готовы к быстрому маневрированию, у многих из них нет привычки устойчивого развития и планирования, поскольку слишком долго они ориентировались на быструю прибыль. В условиях кризиса такая модель поведения становится рискованной [Королева, Усманов, Осипов, 2024]. Если государство не устанавливает четких правил, бизнес может действовать импульсивно, сворачивая социальные программы, игнорируя будущие инвестиции для краткосрочного выигрыша. Между тем, стратегическое развитие требует не только «невмешательства», но и формирования устойчивой среды, где предпринимательские инициативы могут найти долгосрочную опору. В противном случае каждое очередное кризисное событие будет приводить к массовым банкротствам предприятий, не сумевших подготовиться к новым вызовам.

Нельзя забывать о проблемах с доступом к финансированию, которые в период кризиса особенно остро ощущаются в регионах. Вроде бы принцип минимального вмешательства говорит об отказе от жестких субсидий или госгарантий, но коммерческие банки в условиях повышенных рисков отказываются кредитовать малый и средний бизнес, предпочитая более надежных заемщиков. Государство же, стремясь поддержать предпринимателей, вынуждено расширять программы льготного кредитования [Смотрицкая, Фролова, 2024]. Таким образом, сама логика кризиса вынуждает применять инструменты, выходящие за рамки «минимального вмешательства». Получается противоречие: если государство не окажет поддержку, многие продуктивные проекты окажутся замороженными. Если же помощь оказывается широко и бесконтрольно, увеличивается нагрузка на бюджет, а механизм селекции прибыльных и неприбыльных проектов становится неэффективен.

Актуальным остается вопрос, может ли вообще принцип минимального вмешательства рассматриваться как безусловное благо для экономики, особенно находящейся под волнениями. Одни экономисты утверждают, что лишь свободные рынки способствуют динамичному развитию, но при этом признают, что кризис — время особой нестабильности, требующей

временных государственных мер [Мединцева, 2024]. Другие исследователи указывают, что российская экономика не создаст самоорганизующиеся структуры при столь низком уровне доверия к институтам, поэтому необходим иногда и прямой госменеджмент. В конечном итоге важна гармонизация: умелое использование инструментов вмешательства и при этом поддержка предпринимателей в их стремлении к самостоятельности. То есть принцип минимального вмешательства не должен пониматься буквально, как полное самоуусунуться государства, а скорее как рациональный поиск баланса.

Если бы в России существовала развитая система саморегулируемых организаций (СРО), способных устанавливать профессиональные стандарты и контролировать участников рынка, государство могло бы делегировать им значительную часть надзорных функций [Буймов, 2024]. Но пока такие СРО не повсеместны и нередко они сами попадают под влияние административных или коммерческих интересов. Переход к саморегулированию требует времени и доверия, а в кризис общество и бизнес зачастую требуют более явной господдержки. Отсюда и возникает двойственность: государству трудно полностью уйти из регулирования, ведь нет сильного механизма, способного его заменить.

С социологической точки зрения, низкий уровень межфирменной кооперации и сильная ориентированность на краткосрочные выгоды создают атмосферу, в которой принцип невмешательства легко ведет к нарушениям и спекуляциям [Гусейнова, Гаджиева, 2024]. Если в обществе невысокий уровень правовой культуры, а системы внутренней этики в бизнесе недостаточны, то малейшее облегчение надзора порождает повышение незаконных методов ведения дел. В результате падает доверие к рынку, что в условиях кризиса может быть особенно болезненным. Госорганы пытаются бороться с этим ростом серого сектора, ужесточая контроль, тем самым формируя замкнутый круг. Успешное минимальное вмешательство возможно лишь при сформировавшемся институте добросовестных деловых практик.

Можно отметить, что в ряде случаев точечные ограничения и запреты эффективнее, нежели полный запрет на вмешательство. Например, государство может строго контролировать экологические нормы, защиту прав потребителей, качество товаров и услуг, но при этом не вмешиваться в вопрос цен, ассортимент и частные условия сделок [Бабина, Бондаренко, Мармоза, Томайлы, 2024]. Такой подход соблюдает интересы общества и одновременно не душит предпринимательскую инициативу. Но для этого необходимы работающие механизмы контроля именно в узкоспециализированных сферах, а не расплывчатый общий надзор, который инспектирует все подряд. Незрелая надзорная система, свойственная периоду кризиса, чаще склоняется к «тотальным проверкам», поскольку методическая работа с системами качества требует компетенций и времени.

Эффективность принципа минимального вмешательства в условиях российской экономики во многом зависит и от глобальной интеграции страны. При изоляции и санкционном давлении внешние ресурсы для бизнеса оказываются ограниченными, что повышает важность господдержки [Мединцева, 2024]. Если компания не может получить иностранные инвестиции или заграничные кредиты, помощь государства становится фактически единственным доступным источником. Тем самым барьеры свободы в экономической сфере сокращаются, предприниматели вынуждены искать государственные гарантии и субсидии, невольно усиливая влияние госорганов. В результате уровень вмешательства возрастает, а минимальное вмешательство в чистом виде остается скорее доктринальным принципом, нежели практическим.

Учитывая все эти противоречия, можно заключить, что российская модель госуправления в кризисах в большинстве случаев не достигает оптимального сочетания между необходимым

контролем и свободой предпринимательства. С одной стороны, власть декларирует желание ослабить давление, с другой – не готова отпустить бизнес в «свободное плавание» из-за страха перед социальными последствиями и риском экономического хаоса [Гусейнова, Гаджиева, 2024]. Эта двойственность сказывается и на уровне доверия между бизнесом и властью. Принцип минимального вмешательства, если рассматривать его как идею, можно назвать перспективным, но его реализация требует серьезной перестройки институциональной среды, чего трудно добиться в условиях одновременной борьбы с многочисленными вызовами.

Соответственно, в долгосрочной перспективе, если стремиться к более высокому уровню экономической эффективности, российскому государству необходимо менять систему приоритетов: с контроля на сервис и поддержку, с репрессивных методов на обеспечение конкурентной среды [Харакоз, 2024]. Это подразумевает реформирование судебной системы, унификацию нормативов, развитие цифровых платформ, а также формирование культуры добросовестного предпринимательства. Лишь тогда принцип минимального вмешательства может работать не формально, а на деле, создавая благоприятный климат, где бизнес не боится рисковать и инвестировать, а общество защищено от негативных проявлений рыночной стихии.

Само понимание «кризисных явлений» включает не только резкое сокращение спроса или падение цен на сырье, но и изменение международных отношений, колебания курса валют, политические факторы. Воздействовать на все эти составляющие напрямую государство не может, поэтому его вмешательство часто ограничивается бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политикой, а также репрессивными или стимулирующими мерами в отношении отдельных секторов. На эффективность подобных мер накладывается фактор доверия, и если бизнес не верит в стабильность и последовательность власти, то любые антикризисные шаги рискуют пойти впустую [Гарбузов, Пчёлкин, 2024]. Именно поэтому параллельно с декларированием минимального вмешательства необходимо укреплять принципы прозрачности и диалог с предпринимательским сообществом.

Отсюда же возникает вопрос о роли органов государственной власти в разработке стратегий развития: в идеальной ситуации государство задает общую траекторию (направленные на инновации, диверсификацию и т.д.), но не вмешивается в конкретные бизнес-процессы, позволяя рынку выработать оптимальные решения. В кризис эта модель работает хуже, ибо критические условия требуют ручной корректировки, быстрого принятия решений, включая точечное финансирование. Однако если такие решения не систематизированы, то они дезориентируют участников рынка, вместо того чтобы стабилизировать обстановку [Гусейнова, Гаджиева, 2024]. В результате предприниматели порой не понимают, как надолго вводятся те или иные меры, что еще больше усложняет планирование.

При анализе зарубежных кейсов можно видеть примеры, когда государство шло на временную национализацию проблемных компаний, чтобы сохранить рабочие места и не допустить коллапса отрасли, а затем после стабилизации возвращало их в частные руки [Бабина, Бондаренко, Мармоза, Томайлы, 2024]. В России такие действия оцениваются по-разному: одни называют их спасением стратегических активов, а другие считают способом перераспределения собственности и усиления позиций лояльных к власти фигур. В любом случае, это пример масштабного вмешательства, необходимого для преодоления краткосрочных провалов рынка, но противоречащего идее минимального участия государства.

Таким образом, проблема в том, что в периодических кризисах государство каждый раз отчасти «изобретает велосипед», опираясь на временные приказы, постановления и инициативы, а системные Institutional механизмы остаются недостаточно развитыми [Смотрицкая, Фролова, 2024]. В итоге любое вмешательство становится громоздким, а его

снижение – риском для устойчивости. К тому же, кризис может повторяться и приобретать различные формы, и без устойчивой институциональной базы даже самый тщательно проработанный принцип минимального вмешательства может быть нивелирован.

Высокий уровень централизации в политической системе России приводит к тому, что многие решения зависят от вертикали власти, а реальные возможности регионального самоуправления остаются ограниченными. При кризисных явлениях это может приводить к задержкам и неэффективной передаче информации, когда на местах уже поселились проблемы, а центр еще не успел среагировать. Предприниматели, ориентируясь на принцип минимального вмешательства, нередко надеются на региональное упрощение административных процедур, но сталкиваются с тем, что в каждом регионе свои правила и отсутствует целостная система [Мединцева, 2024]. В результате экономическая эффективность падает, так как бизнес вынужден тратить ресурсы на адаптацию к меняющимся и порой дублирующимся нормам.

Не меньшее значение имеют и культурные особенности ведения дел в России, подразумевающие, что личные связи и неформальные договоренности часто оказываются важнее формальных регламентов. Это затрудняет реализацию принципа прозрачного и минимального вмешательства, ведь значение «телефонного права» в кризис лишь усиливается [Буймов, 2024]. В таких условиях часть предпринимателей может получать неофициальные льготы или освобождаться от проверок, в то время как остальные живут по обычным правилам. Эффективная рыночная среда предполагает равенство участников, но на практике эта цель остается трудно достижимой без масштабных институциональных реформ.

Проблему углубляет и то, что российские предприниматели широко рассредоточены по масштабу: есть и транснациональные корпорации, и мелкие семейные предприятия, и индивидуальные предприниматели. Единые меры регулирования, даже если они направлены на сокращение вмешательства, воспринимаются по-разному в зависимости от уровня зрелости компании. Крупные структуры обладают ресурсами, позволяющими адаптироваться к сложным условиям, тогда как малый бизнес может нуждаться в специальном сопровождении [Драненко, 2024]. Следовательно, универсальность принципа минимального вмешательства тоже оказывается под вопросом, ведь без учета специфики разных секторов можно получить в итоге рост монополизации, а не здоровую конкуренцию.

Однако при всем скепсисе важно подчеркнуть, что идея минимального вмешательства государства сама по себе является привлекательным ориентиром для предпринимательского сообщества. Многие бизнесмены, особенно те, кто работает в инновационных и несырьевых секторах, хотели бы видеть стабильные и прозрачные правила, отсутствие внезапных инспекций и барьеров, возможность быстро принимать решения. С их точки зрения, именно так можно раскрыть потенциал российской экономики. Они указывают, что чем меньше бюрократии – тем больше времени остается на создание добавленной стоимости [Гарбузов, Пчёлкин, 2024]. Поэтому дискуссия о снижении вмешательства государства имеет не только экономическое, но и идеологическое значение, задавая вектор реформ.

Заключение

В итоге можно сделать вывод, что эффективность принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений российской экономики остается неоднозначной. С одной стороны, в теории и в некоторых практических кейсах такой подход предусматривает больше возможностей для бизнеса адаптироваться и развиваться. С другой – исторические, институциональные и социальные особенности России

нередко вынуждают власть усиливать контроль, чтобы справиться с проявлениями нестабильности и защищать общественный интерес. В результате получается смешанная модель, в которой декларируется стремление к снижению барьеров, но на практике чрезмерное давление зачастую сохраняется. Очевидно, что для реальной работы принципа минимального вмешательства нужно качественное реформирование институтов, последовательность управленческих решений, прозрачная правовая среда и отсутствие коррупции. Без этих компонентов сложная российская действительность будет по-прежнему накладывать многочисленные ограничения на применение либеральных политик. Идущие реформы в сфере регуляторной гильотины, цифровизации и повышения прозрачности госорганов могут в перспективе смягчить проблему, однако до достижения устойчивого положения вряд ли стоит ждать, что минимальное вмешательство станет воистину определяющим принципом экономической политики.

Библиография

1. Бабина Е.Н., Бондаренко Г.В., Мармоза А.В., Томайлы А.Е. Предпринимательство как часть развитой рыночной экономики // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2024. № 1 (69). С. 6-14.
2. Баранов А.В., Анисимов А.Ю. Государственная политика стратегического планирования в сфере развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31. № 6. С. 70-78.
3. Буймов А.А. Аналитическое исследование состояния предпринимательства в Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 4. С. 121-144.
4. Валов К.Д. К вопросу о государственном регулировании предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2024. № 2 (42). С. 101-104.
5. Вовченко Н.Г., Куринова Я.И., Жолудева А.Г. Эффекты от господдержки для предпринимателя // Учет и статистика. 2024. Т. 21. № 1. С. 50-61.
6. Гарбузов И.С., Пчёлкин К.А. Роль и влияние государственной поддержки предпринимательства на развитие малого и среднего бизнеса: анализ правовых механизмов и их эффективность // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-6. С. 87-90.
7. Гусейнова М.С., Гаджиева З.Э. Роль малого и среднего бизнеса в развитии национальной экономики // Экономика и предпринимательство. 2024. № 10 (171). С. 855-858.
8. Драненко В.А. Регулирование предпринимательских отношений в 1918–1928 годах: ретроспективный взгляд // Национальный вестник Республики Крым. 2024. № 8. С. 179-184.
9. Королева Н.Ш., Усманов Э.Р., Осипов А.Л. Государственные инициативы по помощи малому бизнесу: опыт России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 8. № 3 (144). С. 19-24.
10. Мединцева С.Г. Экономические механизмы поддержки малого и среднего предпринимательства // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31. № 2. С. 60-70.
11. Неопуло К.Л. О необходимости ревизии мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Путеводитель предпринимателя. 2024. Т. 17. № 3. С. 26-32.
12. Смотрецкая И., Фролова Н. К вопросу развития предпринимательской деятельности государства // Общество и экономика. 2024. № 4. С. 5-16.
13. Стефанова Н.А., Бактыгалиев А.Е. Экономика и малый бизнес, как следствие современного предпринимательства 2021 года // Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 4. С. 282-287.
14. Харакоз Ю.К. Перспективы развития системы государственной поддержки деятельности малого и среднего бизнеса в мировой практике // Экономические исследования и разработки. 2024. № 1. С. 78-84.
15. Хончев М.А. Влияние предпринимательства на реализацию экономической политики России // Финансовые рынки и банки. 2024. № 3. С. 332-337.

Analysis of the effectiveness of the principle of minimal state intervention in entrepreneurial activity under conditions of crisis phenomena in the Russian economy

Mikhail V. Shcherbakov

Postgraduate Student,
Volgograd State University,
400062, 100 Universitetskii ave., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: scherbakovmikhail4work@gmail.com

Abstract

The article conducts an analysis of the effectiveness of the principle of minimal state intervention in entrepreneurial activity under the crisis phenomena conditions of the Russian economy. The author examines historical cases of the crises of 2008–2009 and 2014–2015, as well as current challenges associated with sanction pressures and structural imbalances. The theoretical basis of the study is provided by classical free market concepts adapted to the specifics of the Russian institutional environment, where the planned economy has left a deep imprint. The methodology includes a comparative analysis of regulatory measures, an assessment of their impact on small, medium, and large businesses, as well as a study of the interaction between state and market mechanisms. The results demonstrate a dual role of minimal intervention: on one hand, it stimulates business adaptation by reducing administrative barriers, while on the other, it provokes the growth of shadow practices and regional asymmetry. Special attention is given to the contradictions between the declared liberalization and the actual strengthening of control in critical sectors such as food security and infrastructure. It is revealed that the effectiveness of the principle directly depends on the quality of institutions: the transparency of law enforcement, the availability of digital services, and the level of trust between business and government. The discussion emphasizes the need for a balance between short-term stabilization and long-term reforms. Sanctions and isolation increase business dependency on state support, which contradicts the idea of a free market. The author concludes that the application of the minimal intervention principle in Russia is ambiguous, where historical, social, and political factors necessitate a hybrid approach. The key conditions for success are identified as the unification of regulatory norms, combating corruption, and the development of self-regulatory organizations.

For citation

Shcherbakov M.V. (2025) Analiz effektivnosti printsipa minimal'nogo vmeshatel'stva gosudarstva v predprinimatel'skuyu deyatelnost' v usloviyakh krizisnykh yavlenii ekonomiki Rossii [Analysis of the effectiveness of the principle of minimal state intervention in entrepreneurial activity under conditions of crisis phenomena in the Russian economy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 18-32.

Keywords

State intervention, economic crises, entrepreneurship, institutional reforms, regulatory policy.

References

1. Babina E.N., Bondarenko G.V., Marmoza A.V., Tomaily A.E. (2024) Predprinimatel'stvo kak chast' razvitoi rynochnoi ekonomiki [Entrepreneurship as Part of a Developed Market Economy]. Vestnik Instituta družby narodov Kavkaza (Teoriia ekonomiki i upravleniia narodnym khoziaistvom). Ekonomicheskie nauki [Bulletin of the Institute of Caucasus Peoples Friendship (Theory of Economics and National Economy Management). Economic Sciences], 1(69), pp. 6-14.
2. Baranov A.V., Anisimov A.Yu. (2024) Gosudarstvennaia politika strategicheskogo planirovaniia v sfere razvitiia malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii [State Policy of Strategic Planning in the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation]. Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia], 31(6), pp. 70-78.
3. Buimov A.A. (2024) Analiticheskoe issledovanie sostoianiia predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii [Analytical Study of the State of Entrepreneurship in the Russian Federation]. Vestnik universiteta [University Bulletin], 4, pp. 121-144.
4. Dranenko V.A. (2024) Regulirovanie predprinimatel'skikh otnoshenii v 1918–1928 godakh: retrospektivnyi vzgliad [Regulation of Entrepreneurial Relations in 1918-1928: A Retrospective View]. Natsional'nyi vestnik Respubliki Krym [National Bulletin of the Republic of Crimea], 8, pp. 179-184.
5. Garbuzov I.S., Pchelkin K.A. (2024) Rol' i vliianie gosudarstvennoi podderzhki predprinimatel'stva na razvitie malogo i srednego biznesa: analiz pravovykh mekhanizmov i ikh effektivnost' [The Role and Impact of State Support for Entrepreneurship on the Development of Small and Medium-Sized Businesses: Analysis of Legal Mechanisms and Their Effectiveness]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia [Trends in the Development of Science and Education], 105-6, pp. 87-90.
6. Guseinova M.S., Gadzhieva Z.E. (2024) Rol' malogo i srednego biznesa v razvitiu natsional'noi ekonomiki [The Role of Small and Medium-Sized Businesses in the Development of the National Economy]. Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and Entrepreneurship], 10(171), pp. 855-858.
7. Kharakoz Yu.K. (2024) Perspektivy razvitiia sistemy gosudarstvennoi podderzhki deiatel'nosti malogo i srednego biznesa v mirovoi praktike [Prospects for the Development of the System of State Support for Small and Medium-Sized Businesses in World Practice]. Ekonomicheskie issledovaniia i razrabotki [Economic Research and Development], 1, pp. 78-84.
8. Khonchev M.A. (2024) Vliianie predprinimatel'stva na realizatsiiu ekonomicheskoi politiki Rossii [The Influence of Entrepreneurship on the Implementation of Russia's Economic Policy]. Finansovye rynki i banki [Financial Markets and Banks], 3, pp. 332-337.
9. Koroleva N.Sh., Usmanov E.R., Osipov A.L. (2024) Gosudarstvennye initsiativy po pomoshchi malomu biznesu: opyt Rossii [State Initiatives to Help Small Business: The Experience of Russia]. Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniia [Economics and Management: Problems, Solutions], 8(3)(144), pp. 19-24.
10. Medintseva S.G. (2024) Ekonomicheskie mekhanizmy podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva [Economic Mechanisms for Supporting Small and Medium-Sized Entrepreneurship]. Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia], 31(2), pp. 60-70.
11. Neopulo K.L. (2024) O neobkhodimosti revizii mer gosudarstvennoi podderzhki sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [On the Need to Revise Measures of State Support for Small and Medium-Sized Enterprises]. Putevoditel' predprinimatelia [Entrepreneur's Guide], 17(3), pp. 26-32.
12. Smotriskaia I., Frolova N. (2024) K voprosu razvitiia predprinimatel'skoi deiatel'nosti gosudarstva [On the Issue of Developing the Entrepreneurial Activity of the State]. Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics], 4, pp. 5-16.
13. Stefanova N.A., Baktygaliev A.E. (2024) Ekonomika i maliy biznes, kak sledstvie sovremennogo predprinimatel'stva 2021 goda [Economy and Small Business as a Consequence of Modern Entrepreneurship of 2021]. Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki [Current Issues of the Modern Economy], 4, pp. 282-287.
14. Valov K.D. (2024) K voprosu o gosudarstvennom regulirovanii predprinimatel'skoi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [On the Issue of State Regulation of Entrepreneurial Activity in the Russian Federation]. Zakon. Pravo. Gosudarstvo [Law. Right. State], 2(42), pp. 101-104.
15. Vovchenko N.G., Kurinova Ya.I., Zholudeva A.G. (2024) Effekty ot gospodderzhki dlia predprinimatelia [Effects of State Support for the Entrepreneur]. Uchet i statistika [Accounting and Statistics], 21(1), pp. 50-61.